

блемы – как крайнюю бедность, так и состоятельность семьи; негативное влияние ближайшего окружения, имеющего противоправную направленность; личностные особенности, негативно влияющие на эффективность социальных коммуникаций; повышенная доверчивость несовершеннолетних, обусловленная отсутствием необходимого жизненного опыта; несформированность психики; взрослые часто используют подкуп для вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных или антиобщественных действий. По мнению большинства специалистов, основным механизмом профилактики вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных или антиобщественных действий является на-

лаживание родителями эффективной коммуникации, а также формирование поддерживающего ближайшего социального окружения.

Подводя итоги, можно сформулировать следующие выводы: историческое развитие норм уголовного законодательства определило терминологическое смешение понятий «склонения», «вовлечения», «привлечения» и «подстрекательства»; проведенный анализ правовых норм позволил выделить ряд отличий понятия вовлечения; действующая система уголовного законодательства требует внесения ряда изменений, направленных на уточнения сущности вовлечения в совершение противоправных или антиобщественных действий.

Куричков Д.О.

Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

Проблемные аспекты квалификации кражи по признакам субъективной стороны

По данным МВД России, в 2025 г. в сравнении с 2024 г. уменьшилось количество зарегистрированных краж – на 9,3%, в том числе квартирных – на 27,1%, краж автомобилей – на 23,7%. Снизилось и число дистанционных краж на 23,6%. Однако в структуре официальной преступности удельный вес краж сохраняется на второй позиции со значением 25,6% (453338), а их раскрываемость увеличилась всего на 1,7%¹.

Кражей признается деяние, если умыслом виновного охватывалось тайное хищение чужого имущества, то есть когда он полагал, что действует незаметно, хотя иные лица видели содеянное, либо в присутствии лиц, не осознававших противоправность деяния или

близких родственников виновного, когда имел место расчет на отсутствие противодействия.

Так, умышленные действия подсудимой суд правильно оценил как тайные, поскольку хищение совершено в отсутствие собственника имущества и иных лиц. Тот факт, что продавцы видели действия подсудимой по оплате товаров банковской картой, не влияет на квалификацию действий, поскольку продавцы не осознавали противоправный характер ее действий, считали, что подсудимая рассчитывалась собственной банковской картой, а сама подсудимая, исходя из окружающей обстановки, полагала, что действует тайно².

1 Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 31.01.2026).

2 Приговор Октябрьского районного суда г. Томска от 17.04.2025 по делу № 1-379/2025. Здесь и далее судебная практика используется по данным сайта Судебные и нормативные акты РФ: URL: <https://sudact.ru/>.

Присвоение находки может и должно быть квалифицировано как кража в случаях, если в содержание вины входит осознание факта, что вещь не была выброшена и желание обратить её в свою пользу, либо пользу других лиц.

Анализ судебной практики дает основания утверждать, что вопросы разграничения находки и кражи преимущественно правильно решаются судами. Так, обвинительный приговор по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ был справедливо вынесен в отношении женщины, присвоившей сотовый телефон, забытый на автобусной остановке. Учитывая конкретные обстоятельства уголовного дела, место совершения деяния – общественная остановка, показания потерпевшей о достоверно известном месте нахождения принадлежащего ей телефона, действия, направленные на обращение чужого имущества в свою пользу, а также особенности предмета хищения – сотового телефона, находящегося в рабочем состоянии и имеющего идентификационные признаки, суд счел, что доводы адвоката об отсутствии в действиях его подзащитной состава преступления и о том, что в данном случае имеет место находка, а не кража чужого имущества, являются несостоятельными¹.

Кража с незаконным проникновением в помещение (хранилище или жилище) требует осознания виновным противоправности вхождения наряду с объективным отсутствием у него оснований для этого.

Приволжский районный суд г. Казани отметил, что квалифицирующий признак кражи «незаконное проникновение в жилище» не нашел подтверждения, поскольку между подсудимой и потерпевшей складывались дружеские отношения, подсудимая неоднократно

была в жилище, на замок дверь в жилую комнату потерпевшей не запиралась, ею не были предприняты меры по ограничению доступа третьих лиц в жилище, потерпевшая, зная о наличии у родсудимой ключа от двери в подъезд многоквартирного дома и ключа от общего тамбура квартир, не приняла мер по возврату их, тем самым фактически разрешила подсудимой в любое время приходить в ее жилище, то есть подсудимая имела свободный доступ в квартиру, о чем свидетельствуют показания потерпевшей, свидетеля и ее самой, данные показания стороной обвинения не опровергнуты, доказательств обратного суду не представлено².

Кража признается совершенной с причинением значительного ущерба, если умыслом виновного охватывалось именно причинение такового, поэтому при не достижении указанной цели по обстоятельствам, не зависящим от его воли, содеянное должно быть квалифицировано как покушение на кражу с названным признаком квалифицированного состава (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ).

По данному признаку квалифицированного состава кражи суд переквалифицировал действия виновной на ч. 1 ст. 158 УК РФ в связи с тем, что не были учтены обстоятельства содеянного и в материалах дела отсутствовали соответствующие доказательства³.

Есть и обратные примеры, подтверждающие, что суды в целом правильно устанавливают признак значительности ущерба гражданину (потерпевшему). Так, судом апелляционной инстанции не установлено оснований для иной квалификации деяния, приговор и позиция нижестоящего суда была поддержана, а апелляционная жалоба не была удовлетворена⁴.

1 Приговор Норильского городского суда от 21.04.2025 по делу № 1-25/2025.

2 Приговор Приволжского районного суда г. Казани от 27.04.2025 по делу № 1-177/2025.

3 Там же.

4 Апелляционное постановление Нижегородского областного суда от 25.06.2020 по делу № 22-3379/2020.

При отграничении совокупности преступлений от продолжаемой кражи следует установить единый умысел на совершение тождественных действий, в частности направленных на завладение имущества в крупном или особо крупном размере¹.

Показательным примером правильной квалификации кражи с банковского счета как продолжаемого преступления будет выступать приговор Зеленодольского городского суда². Как установлено из материалов уголовного дела осужденная посредством использования найденной чужой банковской карты, действуя с единым не конкретизированным умыслом, направленным на тайное хищение денежных средств с банковского счета, совершила несколько списаний, причинив ущерб на общую сумму 1286 рублей 39 копеек. Возникает резонный вопрос о наличии в содеянном общественной опасности, хотя в практике нет единого подхода, но есть множество примеров прекращения подобных дел за отсутствием состава преступления в связи с малозначительностью и при более значительном ущербе³, даже на сумму выше 2500 руб. Поэтому с учетом направленности умысла и степени вины, незначительной суммы причиненного ущерба следовало бы применить норму, закрепленную в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Необходимо точно устанавливать момент возникновения и направленность умысла виновного, форму реализации умысла на достижение корыстной цели при отграничении кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств от мошенничества, с использованием электронных средств платежа.

Действия, связанные с бесконтактной оплатой покупок товаров и услуг, переводами безналичных денежных средств со счета потерпевшего на иной счет, при отсутствии обмана или злоупотребления доверием и если списание их осуществляется самим виновным лицом, подлежат квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Правильная и точная квалификация по признакам особо квалифицированного состава кражи обнаруживается в большинстве судебных приговоров, в частности, приговор суда, которым признан виновным в совершении совокупности преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 161 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Из материалов дела следует, что сначала подсудимый открыто завладел сотовым телефоном потерпевшего с подключенным приложением «Мобильный банк», а затем посредством отправки смс-сообщения осуществил перевод безналичных денежных средств на другой счет. При определении момента возникновения у виновного умысла на хищение денег с банковского счета потерпевшего суд принял за основу показания подсудимого, согласно которым, завладев мобильным телефоном, он принял решение об его использовании в своих корыстных интересах, и путем отправки с него смс-сообщения перевел деньги с банковского счета потерпевшего, привязанного к похищенному телефону последнего, на свою банковскую карту, а далее внутренним переводом между своими счетами. Все описанные действия и финансовые операции виновного по хищению денег последовательно образуют единый состав, т.к. охватываются единым умыслом⁴.

1 Преступления, совершаемые с использованием современных цифровых средств: особенности квалификации и толкования : учебное пособие / И.В. Ботвин, А.Г. Брагина, О.В. Ермакова [и др.]. М. : ГУРПС МВД России, 2024. С. 38.

2 Приговор Зеленодольского городского суда от 28.04.2025 по делу № 1-234/2025.

3 Винокуров В.Н., Тетерятников Н.Ю. Установление признаков состава преступления как опровержимая и неопровержимая презумпция общественной опасности деяния // Уголовное право. 2025. № 12. С. 11-19.

4 Приговор Киржачского районного суда от 23.04.2025 по делу № 1-36/2025.

Таким образом, вопросы квалификации кражи, в том числе по признакам субъективной стороны, остаются актуальными, несмотря на внушительный объем учебной, специальной литературы и наличие разъяснений Верховного Суда РФ. Особую важность имеют установление момента возникновения и вида умысла (конкретизированный или нет), его направленности, корыстной цели, и осознания виновным тайности

от момента начала изъятия до фактического завладения чужим имуществом. Точность и правильность квалификации, единство в толковании криминообразующих признаков состава правоприменителями способны обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства, дифференциацию уголовной ответственности и повысить эффективность уголовно-правовой охраны собственности.

Попова Е.М.,

кандидат экономических наук

Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

«Цифровое хищение»: проблемы квалификации деяний по статье 159.6 УК РФ

Традиционно критерием разграничения хищений чужого имущества или права на чужое имущество выступал способ совершения противоправного деяния. Однако цифровые технологии внесли коррективы в сложившееся как в уголовно-правовой доктрине, так и правоприменительной практике понимание факультативных признаков объекта и объективной стороны корыстных преступлений против собственности. Показательным примером таких метаморфоз может служить выделение в качестве отдельного состава преступления мошенничества в сфере компьютерной информации, ответственность за которое предусмотрена ст. 159.6 УК РФ. В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ, законодатель однозначно акцентировал внимание на том, что способом хищения является получение доступа к информационной системе и последующие действия с компьютерной информацией. Таким образом,

можно наблюдать дополнение классических способов совершения мошенничества новым цифровым способом, не имеющим ничего общего с обманом или злоупотреблением доверия.

Если обратиться к разъяснениям Верховного Суда РФ, изложенным в пп. 1 и 20 постановления Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48, становится очевидным, что законодательные и судебные органы нашей страны взяли уверенный курс на расширение способов хищения, образующих состав мошенничества¹. Данную позицию категорически не разделяют представители научного сообщества, аргументы которых строятся на концепции «должное не есть сущее».

С.М. Кочои рассуждает о том, что диспозиция ст. 159.6 УК РФ противоречит как основной норме о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), так и теориям преступлений против собственности, поскольку не содержит субстанциональных способов мошенничества: обмана или злоупотребления доверием². В свя-

1 О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48.

2 Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica. 2021. № 6(175). С. 110.